

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

ПУСТУЮЩИЙ ЦЕНТР**

РЕЦЕНЗИЯ НА НОВУЮ КНИГУ СВЯТОСЛАВА КАСПЭ
ОБ ОНТОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Каспэ С. И. Политическая форма и политическое зло. — М. : Школа
ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ, 2016.

Новое исследование Святослава Каспэ является продолжением и одновременно прояснением его известной работы десятилетней давности — «Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма» (Каспэ, 2008). На сей раз в центре внимания оказывается само понятие «политической формы» и метафора «центра», оставшаяся эксплицитно не проясненной в предыдущем сочинении.

Подобное положение вещей в целом представляется довольно типичным: «базовая метафора» — именно потому, что является действительно «базовой», — оказывается «вне фокуса» первоначального исследовательского интереса. При ее помощи проясняют иное, и тем самым ясность того, при помощи чего проясняют, оказывается либо «самоочевидной», либо обретаемой возвратным образом: прагматика высказывания способна прояснять семантику.

«Политическая форма» рассматривается автором как конкретное развертывание базовой политической метафоры — пространственной, то есть задающей местоположение объектов и логику их взаимодействия. Метафора «центра» определяется Каспэ как метафора власти по преимуществу (Каспэ, 2016: 47) — явным или скрытым образом присутствующая во всех остальных пространственных метафорах власти, значимых постольку, поскольку они являются одновременно дескриптивными, аскриптивными и прескриптивными. Сложная метафора «центра» включает, по толкованию Каспэ, три основных взаимосвязанных

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник Академии Кантиана Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград), mestr81@gmail.com.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

и взаимопределяющих элемента: *центр*, по отношению к которому дана *периферия*, посредством которой в свою очередь становится видимым, фиксируемым сам центр, и *вертикаль*, — здесь автор отталкивается от геометрического, античного понимания центра и окружности, то есть центра как того углубления, отверстия, пустоты, куда помещено острие циркуля, долженствующее, дабы описать окружность, вращаться лишь вокруг самого себя, пребывая одновременно в движении и в неподвижности.

Вся книга выступает разверткой этой исходной метафоры, — если исходный посыл автора верен, то тем самым осуществляется и прояснение концепции власти. Метафора «вертикали» непосредственно выводит на проблематику политического зла: если модерн есть ситуация автономии политического, то моральное измерение сохраняется через неавтономных субъектов. В данном случае Каспэ совершает решительный шаг к критике традиционных представлений об идеальном положении вещей как «автономных субъектов в автономном политическом». Его критика направлена не только и не столько на нереалистичность данного подхода, — собственно, подобного рода критика совершенно избыточна, поскольку критикуемое понимание есть «идеальное состояние», которое не имеет реального воплощения, — сколько на его принципиальную нежелательность, то есть против рассмотрения его в качестве «идеала». Автономное политическое является сферой, областью, где действуют субъекты, не связанные или обусловленные одной только политической логикой, но привносящие в политическое иное (религиозное, этическое, эстетическое и т. д.), которое «политизируется», но лишь до некоторого предела. Соединение автономного политического с автономным субъектом означает, согласно Каспэ, не отграничение «политического» от иного, а отсутствие границы для политического. Так, обращаясь к этическому аспекту, он пишет:

... «строго отмежеванная» от этики политика в следующем такте начинает перемалывать самое этическое. Настоящее смешение этики и политики не в том, что политика признает верховенство этики, а в том, что она его *не признает*, отбирая у этического функции и/или самоё имя этического (Каспэ, 2016: 87).

Если «центр» связывает воедино все многообразие действий, через соотношение с ним становящихся политическими, то «вертикаль» отсылает за пределы политического — не только обозначая ему предел, но

одновременно и придавая смысл, выходящий за границы ситуативного. Тем самым оппозиция «центра» и «периферии» позволяет описать «автономное политическое», тогда как «ветикаль» размыкает его за пределы «политического», обеспечивая последнему смысловое наполнение и вместе с тем оберегая не только автономию политического, но и автономию «иного» от политического.

Метафора «центра», в свою очередь, проблематизируется при рассмотрении демократии как политической формы, — ведь если все предыдущее рассуждение построено через осмысление и установление положения центра и его способа соотнесения с периферией (через предложенную Мананом типологию племени, города, империи и нации), то для современной демократии характерна специфическая «пустотность центра», отмечаемая практически с того самого времени, как возникла сама современная форма демократического политического устройства. Логика, выстраиваемая Каспэ, призвана продемонстрировать глубокую закономерность подобной ситуации: «за-/на-полненность» центра означает конец демократии, переход к иной политической форме. Демократия и есть способ организации, при котором никто не может отождествить себя с центром, — занятие этой позиции принципиально нетождественно обладанию последней: все стороны политического взаимодействия претендуют на то, чтобы говорить от лица целого, но никто не достигает монополии. При этом в «монархических демократиях» «пустое место» сохраняется едва ли не лучше, чем в «республиканских», поскольку монарх, царствующий, но не правящий, как раз и служит отсылкой к пустоте, которую не может заместить никто:

Трансценденция, действительно сделавшая политическое секулярным и автономным, сработала только тогда, когда на смену «слабой программе» абсолютного монарха пришла «сильная программа» *абсолютного народа*. Такой народ, в отличие от монарха, смог выйти за пределы всякого непосредственного, не опосредованного репрезентацией восприятия и фигурировать как действительно потустороннее Нечто (или Никто), которое (который) легитимирует своими теофаниями посюстороннюю политику, для нее самой оставаясь недостижимым (Каспэ, 2016: 164–165).

Правда, это создает иную проблему, поскольку «демократия» отсылает к «народу», который не может быть непосредственно явлен (презентирован), но неизменно «репрезентируется»¹. Однако дабы нечто

¹ Даже если «народ» представлен всей совокупностью обладателей активного избирательного права, эта совокупность оставляет за своими границами тех, кто, например,

репрезентировать, необходимо утверждение самого наличия того, что репрезентируется: «народ» может быть дан через массу групп, объединений, партий, претендующих на то, чтобы выражать его волю, но сама эта метафора «единства», которой не касается Каспэ, скрыто определяет логику всех прочих рассуждений. Закономерно, что рассуждения, например, Розанваллона о «демократической легитимности» Каспэ находит (Каспэ, 2016: 144–145) неудовлетворительными, поскольку исходной проблемой для первого является как раз исчерпание, или, если угодно сохранять «прогрессистскую» логику, перерастание логики «единства», выразителем которого на практике служило «большинства». В рамках демократии множеств демократию как политическую форму уже не получается субстанциализировать, а именно последнее осуществляет мыслимая Каспэ как основная метафора центра — одного единственного для всего множества проявлений и взаимодействий, позволяющего собрать их в конкретную «политическую форму».

Если угодно, получаемый Каспэ логический результат демонстрирует лишь то, что было изначально заложено в избранную метафору. Это никоим образом не говорит о ее произвольности; рассмотрение, предпринятое автором, показывает, как работает — то есть не только описывает, но и формирует политическую реальность — данная оптика, однако вопрос более существенный, на наш взгляд, в ином: насколько вообще возможно «политическое» в рамках тех реалий, которые фиксирует, в числе множества других наблюдателей, Розанваллон? Последний говорит об изменении «демократии», но вопрос — не о количественной градации, а о том, что обеспечивает *единство* «пустующего центра». Сам Каспэ также отмечает, что «политическая форма» и «автономия политического» — феномены далеко не универсальные как во времени, так и в пространстве.

В этих рамках вновь актуализируется проблематика «политического зла», ведь в качестве такового — в политической оптике, которую и избирает Каспэ, — в первую очередь выступает невозможность «политического», то есть отсутствие специфической, политической формы. Вопрос, который ставит исследование, на наш взгляд, заключается в следующем: возможно ли политическое без логики единства и иерархий, то

не достиг установленного возраста, или — как еще в начале прошлого столетия в случае с женщинами — тех, кто репрезентирован мужем, отцом или кем-либо еще, имеющим право говорить не только от собственного имени, но и от имени другого без соизволения последнего.

есть когда первое позволяет множество последних сделать взаимопереводимыми, соизмеримыми? И может ли быть политическое существование вне единства в трансцендировании — общей отсылки к иному, внеполитическому? Современные политические теории в избытке представляют варианты децентрализации. Однако вопрос в том, остаются ли они все еще политическими, если согласиться с Каспэ в том, что метафора центра является базовой политической метафорой — не просто нашим способом «мыслить политику», но и самим способом производства и существования политического.

ЛИТЕРАТУРА

Каспэ С. И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. — М. : Московская школа политических исследований, 2008.

Каспэ С. И. Политическая форма и политическое зло. — М. : Школа гражданского просвещения, 2016.

.....
 Teslya, A. A. 2017. "Pustuyushchiy tsentr [The Vacant Center]: retsenziya na novuyu knigu Svyatoslava Kaspe ob ontologii politicheskogo [A Review of Svyatoslav Kaspe's New Book on Ontology of the Political]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (4), 193–197.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY; SENIOR RESEARCHER AT THE ACADEMIA KANTIANA
 IN THE INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY, KALININGRAD

THE VACANT CENTER

A REVIEW OF SVYATOSLAV KASPE'S NEW BOOK ON ONTOLOGY OF THE POLITICAL

KASPE, S. I. 2016. *POLITICHESKAYA FORMA I POLITICHESKOYE ZLO [POLITICAL FORM AND POLITICAL EVIL]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: SHKOLA GRAZHDANSKOGO PROSVESHCHENIYA

REFERENCES

- Kaspe, S. I. 2008. *Tsentry i iyerarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
- . 2016. *Politicheskaya forma i politicheskoye zlo [Political Form and Political Evil]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya.